

Барбара Картленд

Романтическое плавание

Персонажи и события, описанные в романе, вымышленные. Все совпадения случайны.

Раньше он не замечал, какие большие и красивые у нее глаза, но теперь, когда они вдруг оказались так близко, он всецело попал под их очарование.

— Лексия... — начал он и запнулся. — Я хочу...

— Чего ты хочешь? — прошептала она.

Он не мог говорить. Сердце безумно стучало в груди, голова закружилась — и в одно мгновение все, что прежде казалось таким понятным, перестало быть таковым.

Он медленно наклонил голову.

Она не потянулась навстречу, но и не отстранилась. Стояла не шевелясь, не сводя с него глаз, как если бы ожидала чего-то... чего-то восхитительного, волшебного...

Еще секунда — и он бы коснулся губами ее губ.

Но реальность напомнила о себе внезапно, развеяв чудесное забытье, тонуть в котором было так приятно...

Это было бы самое настоящее предательство.

«Розовая серия» Барбары Картленд

Барбара Картленд, скончавшаяся в мае 2000 года в возрасте девяноста девяти лет, по праву считается самым известным автором романов о любви. Она была самой плодовитой писательницей в истории, поскольку за год могла написать больше книг, чем любой другой автор, благодаря чему занесена в Книгу рекордов Гиннесса.

За свою жизнь она написала семьсот двадцать три книги, которые были переведены на тридцать шесть языков, и их общий тираж составил свыше миллиона экземпляров.

После ее смерти неизданными остались сто шестьдесят рукописей — больше, чем у какого-либо другого писателя.

Помимо романов о любви, из-под ее пера вышли исторические биографии, шесть автобиографий, театральные пьесы, практические пособия о жизни, любви, пользе витаминов и поваренные книги. Она также была политическим обозревателем и ведущей радио-и телепрограмм.

Свою первую книгу, «Ажурная пила», Барбара Картленд написала в двадцать один год. Книга стала мировым бестселлером и была переведена на шесть языков. Барбара Картленд

продолжала писать всю жизнь, на протяжении семидесяти шести лет. Ее романы пользовались потрясающей популярностью в Соединенных Штатах Америки. В 1976 году ее книги заняли первое и второе места в списке бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс» — такого успеха не знал никто из авторов ни до, ни после нее.

Барбара Картленд стала легендой еще при жизни и навсегда запомнится нам своими чудесными романами о любви, которыми восторгаются читатели по всему миру.

Моральная чистота и высокие душевные качества героинь ее романов, доблесть и красота мужчин и прежде всего непоколебимая вера писательницы в силу любви — вот за что любят Барбару Картленд читатели.

Любовь не знает границ и препятствий, ее невозможно обратить вспять, и она неизменно черпает силы в себе самой.

Барбара Картленд

Глава 1

1898

Ограда была высока, но конь легко перемахнул через нее и так же легко и мягко ступил на землю. Всадник невольно улыбнулся.

— Молодец, дружище! — сказал он, поглаживая любимца по крутой шее.

Всадник и его конь... На этот дуэт было приятно смотреть — оба красивые, в самом расцвете молодости и сил.

Фрэнсис, маркиз Уимбортон, каждое утро совершал конную прогулку, обозревая красоты своего имения — одного из самых обширных в Беркшире. Помимо земель, маркизу принадлежали также окрестные фермы, несколько особняков, обычно сдаваемых в аренду, и даже ближайшая деревня.

Вид с этого места открывался чудесный. В непосредственной близости — рощи и луга, перемежающиеся серебристыми отблесками реки. Чуть дальше — крытые соломой фермерские коттеджи, с виду очень уютные и гостеприимные.

Но в глубине души маркиз знал, что эта радующая глаз картинка — не более чем видимость. Имение пребывает в упадке: дохода от аренды не хватает на то, чтобы поддерживать его в приличном состоянии. И большая часть этих соломенных крыш, издали таких симпатичных, требует срочного ремонта.

Артели мастеровых нашлось бы чем заняться и в господском доме, однако маркиз старался об этом не думать — у него было слишком много долгов.

Уже через минуту утро перестало казаться ему таким ясным, настроение испортилось. Маркиз легким галопом пустил коня к дому.

Красота, располагающие манеры, титул... Казалось бы, к двадцативосьмилетнему Фрэнсису, маркизу Уимбортону, судьба была удивительно щедра.

Однако жизнь его была похожа на непрекращающуюся битву, цель которой — собрать столько денег, чтобы их хватило на поддержание имущества, и надежды победить в этой битве таяли с каждым днем.

В права наследства он вступил, будучи восемнадцатилетним юнцом, и скоро пришел к выводу, что управлять фамильной собственностью — задача не из легких, и, сколько бы он ни старался, суммы по долговым обязательствам постоянно превышали его доходы.

Кажется, не проходило и дня, чтобы кто-нибудь из арендаторов не обратился к маркизу с просьбой дать денег на ремонт дома или хозяйственных построек.

Признаться в собственной беспомощности или дать требуемое — выбор был невелик, и маркизу приходилось изворачиваться, чтобы удовлетворить просителя, даже если речь шла о совсем небольшой сумме.

В итоге он все глубже увязал в долгах, и эти долги росли, словно грозовая туча, заслоняющая небо над головой.

Оставив коня в конюшне, Фрэнсис вошел в дом, где его встретил дворецкий со словами:

— Милорд, приехал мистер Джонсон.

После короткой паузы маркиз ответил:

— Проводите его в курительную комнату. Я буду через несколько минут.

— Слушаюсь, милорд!

Дворецкий удалился. Маркиз недовольно поморщился: неурочный приезд управляющего не сулил ему ничего хорошего.

Мистер Джонсон, мужчина средних лет, вел дела маркиза с тех самых пор, как тот получил наследство.

Он уже ожидал маркиза, когда тот вошел в курительную.

— Доброе утро, Джонсон! — сказал маркиз. — Не ждал вас сегодня. Надеюсь, ничего серьезного не случилось?

Он подал собеседнику руку, и тот пожал ее перед тем, как ответить:

— Боюсь, мои новости, милорд, вас не обрадуют.

— На радостное известие я и не рассчитывал, — невесело улыбнулся маркиз.

Он тяжело опустился в любимое кресло. Контора мистера Джонсона находилась в Лондоне, а значит, у этого внеурочного приезда должна быть серьезная причина. Управляющий сел напротив и с симпатией посмотрел на маркиза.

Бремя ответственности свалилось на Фрэнсиса, когда он был еще очень молод, и у мистера Джонсона были все основания предполагать, что тот предпочел бы остаться в Лондоне.

Или уехал бы за границу и наслаждался обществом привлекательных женщин, вместо того чтобы прозябать в одиночестве в этом огромном

доме, где из развлечений у него только верховая езда и визиты соседей.

И он очень удивился, когда молодой маркиз после внезапной смерти отца взялся за семейные дела с таким рвением, как если бы это был не только его долг, но и удовольствие.

Фрэнсис улыбнулся собеседнику. Что ж, даже если мистер Джонсон и привез дурные новости, в этом нет его вины...

Вздыхнув, управляющий начал свой рассказ. Его слова производили удручающее впечатление: растущие долги, арендные ставки, которые давно следовало бы повысить, груз нерешенных проблем, которых с каждым днем становится все больше.

По прошествии часа маркиз произнес со вздохом:

— Просто не верится, что все на самом деле так ужасно.

— Боюсь, это правда, милорд. Уверяю, я бы не стал приезжать в Беркшир с одной лишь целью вас расстроить. Нужно что-то делать, и срочно!

— Вы совершенно правы, Джонсон, — сказал маркиз. — Нужно срочно что-то предпринять, особенно это касается ремонта. Только на восстановление этого особняка требуется втрое большая сумма, чем я рассчитывал!

— Если бы речь шла только об этом доме! Милорд, неотложного ремонта требуют по меньшей

мере шесть домов в поместье! В противном случае арендаторы могут съехать.

Маркиз встал и подошел к окну.

— Джонсон, почему это случилось так внезапно?

— Внезапно, милорд? Семена были посеяны давно, и теперь мы пожинаем плоды. Ваш отец, несмотря на все увещевания, делами поместья почти не занимался. С годами все приходит в упадок...

— Проклятье! Что же мне теперь делать? — спросил маркиз.

— Боюсь показаться бестактным, но не задумывались ли вы, милорд, о том, что с вашим титулом и положением в обществе вы могли бы взять в жены богатую наследницу?

— Женитьба! — воскликнул маркиз. — Если я и не думал об этом, то только потому, что еще ни разу не влюблялся!

Какое-то время оба молчали, затем управляющий произнес, словно размышляя вслух:

— Ну не странно ли это, что с вашими достоинствами и при том, что многие леди на выданье... — как бы это лучше сказать? — проявляют к вам интерес, до сих пор не нашлось ни одной, которая бы вас устроила?

Маркиз на это ничего не ответил. Стоя у окна, он с мечтательной улыбкой смотрел на сверкающие на солнце струи фонтана.

В высшем обществе он имел неизменный успех, и одного лишь титула было достаточно, чтобы получать приглашения на все большие балы и приемы.

Но даже если б он и не был титулованной особой, ему были бы рады: он был урожденный Уимбортон, последний представитель рода, мужчины которого отличались высоким ростом, были красивы, прекрасно сложены и имели каштановые волосы с восхитительным красноватым отливом.

Фрэнсис унаследовал все эти фамильные качества, в том числе и некую непостижимую значительность, зримо говорившую, что он гордится собой и своими корнями. Стоило маркизу Уимбортону появиться в зале, как все взгляды обращались к нему, — и в особенности женские.

Даже те леди, которые понятия не имели о его титуле, встречали Фрэнсиса улыбками, а пожилые многоопытные дамы спешили представить ему *неискушенных барышень* .

Так что, даже не будучи высокомерным, маркиз привык к тому, что всюду, где бы он ни появился, его ожидал самый радушный прием.

Ежегодно ему доводилось танцевать с самыми красивыми девушками, которых только-только начали выводить в свет, и принимать от их родителей десятки приглашений на обеды и ужины, но ту, с которой ему захотелось бы жить до конца своих дней, он так и не встретил.

Фрэнсис предпочитал общество актрис, с которыми его охотно знакомили приятели. Благодаря этим дамам он узнал, насколько это приятно — когда красивая и талантливая актриса тает в твоих объятиях и исполняет все твои прихоти...

Однако то были всего лишь мимолетные увлечения, свойственные мужчинам его круга. Когда страсти утихали, он легко забывал о прежнем романе и заводил новый.

Сейчас, стоя у окна, он перебирал в памяти свои любовные приключения — упоительные в свое время, но почти не оставившие в нем своего следа.

Женитьба же — дело серьезное, на всю жизнь...

Наконец он со вздохом обернулся к мистеру Джонсону:

— Вне всяких сомнений, вы сочтете это безрассудством, но мне претит сама идея жениться на ком-то ради денег.

— Весьма сожалею, милорд, — произнес управляющий. — И все же я считаю своим долгом посвятить вас во все детали. Наши дела очень плохи.

Последовала небольшая пауза, после чего маркиз не без иронии спросил:

— Полагаю, вы уже выбрали претендентку?

Управляющий улыбнулся:

— Разумеется, милорд.

— И ваш приговор?..

— Мисс Лексия Дрейтон.

Судя по выражению лица мистера Джонсона, это имя должно было быть маркизу известно, однако тот готов был поклясться, что впервые его слышит.

— Как вы сказали, простите? — переспросил он.

— Эта молодая леди с отцом в прошлом месяце поселилась в Хайклифф-холле.

Хайклифф-холл, большой и комфортабельный особняк, в отличие от остальной семейной недвижимости, содержался в порядке: маркиз был заинтересован в арендаторах, способных платить достаточно большие ежегодные взносы.

Преыдущий наниматель был доволен домом и окрестностями и платил исправно, но после смерти жены перебрался к своей замужней дочери в Шотландию.

Нужно было срочно найти нового арендатора, и мистер Джонсон наилучшим образом это исполнил, однако маркиз с мистером Дрейтоном до сих пор ни разу не встречались.

— Вы были в Лондоне, когда новые жильцы въехали в Хайклифф-холл, — пояснил мистер Джонсон. — По слухам, мистер Дрейтон очень богат — у него то ли три, то ли четыре миллиона.

Маркиз был удивлен.

— Миллионер? В моих владениях? — воскликнул он.

— Полагаю, он какое-то время жил в Америке, а в Англии — всего пару месяцев. У него есть собственный дом в самом фешенебельном районе столицы, но ему захотелось иметь еще и загородный особняк.

— Он англичанин? — осведомился маркиз.

— Да, мистер Дрейтон — англичанин, — ответил Джонсон, — но свое состояние нажил в Америке. Он просто купается в деньгах — дом на Парк-Лейн, скаковые лошади с «Таттерселл», причем покупает он их не только для участия в бегах, но и для охоты. И, насколько мне известно, мисс Лексия — его единственное дитя. Девушка хороша собой и унаследует отцовское состояние.

После продолжительной паузы маркиз пробормотал:

— Так вы думаете, в ней — решение моих проблем?

— Милорд, а почему бы нет? Если этот Дрейтон и вправду так богат и у него только одна дочь... Это просто подарок небес!

Маркиз усмехнулся:

— Вы это серьезно? Дочь миллионера наверняка не испытывает недостатка в поклонниках.

— Думаю, в Америке поклонники у нее были, но отец хочет видеть своим зятем англичанина, и предпочтительно с титулом.

— Понятно, — улыбка Фрэнсиса уже не была такой веселой.

— Милорд, сейчас не время привередничать. Эта молодая леди имеет то, что нужно вам, а вы — то, чего хочет ее отец. Позволю себе предложить следующее: вашей светлости нужно как можно скорее навестить мисс Дрейтон, иначе найдутся другие желающие. Отчаявшись завоевать расположение маркиза, она может согласиться и на меньшее.

Маркиз искренне расхохотался:

— Просто не могу поверить! Вы, Джонсон, стоите здесь, передо мной, и уговариваете меня жениться! Послушать вас, так этот миллионер снял дом на моих землях только затем, чтобы свести меня со своей дочерью. *Невероятно!*

— Конечно, в это сложно поверить, но сама идея хороша, а мистер Дрейтон, насколько я слышал, человек очень умный. Иначе он не стал бы миллионером.

— Но что, если вы приписываете этому господину намерения, которых у него нет и в помине?

— Конечно, это и вправду сюжет, более подходящий для пьесы или романа, — согласился мистер Джонсон, — но мне из достоверных источников известно, что мистер Дрейтон тщательно наводил справки о том, кто есть кто в британском высшем обществе.

— И все-таки это *слишком* невероятно, чтобы быть правдой, Джонсон! Но я тем не менее готов познакомиться с этим миллионером. Возможно, мне удастся уговорить его мне помочь, не подключая к сделке дочь. В конце концов, речь идет о девушке, а не о мешке сахара! Так как, вы говорите, его зовут?

— Дрейтон. Гарри Дрейтон.

Маркиз снова засмеялся:

— Признайтесь, старина: вы пишете книгу и все это выдумали! Ну же, я жду!

— Если бы! Увы, все это — правда, — отвечал управляющий. — Хотя это было бы неплохим началом: глава первая, в которой герой, то есть вы, ваша светлость, недоумевает, как

погасить долги, когда перед ним вдруг открывается прекрасная возможность...

— Полагаю, вы рассчитываете получать от мистера Дрейтона фантастически высокую арендную плату за Хайклифф-холл?

Управляющий кивнул:

— Ваша светлость, вы никогда еще не сдавали дом на таких выгодных условиях. Никто другой таких денег нам не заплатит, если мистер Дрейтон съедет. А он непременно так и поступит, если вы не пожелаете с ним знакомиться.

— Хорошо! — согласился маркиз. — *Ваша взяла, Джонсон!* Я посмотрю на эту наследницу, но хочу вас заверить загодя: я не собираюсь жениться на женщине лишь ради ее денег или по любой другой подобной причине. Только по любви!

Голос его неожиданно звонко прозвучал в тишине комнаты, управляющий невольно устремил на него пристальный взгляд и тихо произнес:

— Ваши намерения весьма похвальны, милорд, но, как говорят в народе, *чего не сделаешь, когда нужда заставит ...*

— А это как раз наш случай, верно? Проклятье! Приходилось ли кому-то оказываться в таком унижительном положении, как мне сейчас? Чем скорее мы выпьем по глотку и попытаемся об этом забыть, тем лучше.

С этими словами маркиз направился в конец комнаты к буфету, в котором отец всегда хранил свой виски.

Пока он поворачивал ключ в замке и открывал дверцу, мистер Джонсон смотрел на него и улыбался.

* * *

В то время как маркиз, вернувшись с прогулки, отводил своего коня в конюшню, по лугам и рощам сломя голову мчался другой всадник.

Тем, кто наблюдал за ним издалека, могло показаться, что это высокий стройный юноша, который, несмотря на свое хрупкое телосложение, на удивление ловко управляется с лошастью.

Однако стоило всаднику приблизиться, как становилось ясно — это никакой не парень, а девушка в мужских бриджах и сорочке и скачет она тоже по-мужски, в обычном седле.

Глаза ее загорались энтузиазмом и восторгом, когда она заставляла лошадь взять очередной барьер. Конь, достаточно крупный и ретивый, послушно взлетал над препятствием и легко приземлялся, и всадница ни на мгновение не теряла над ним контроль.

Грум средних лет не оставлял попыток догнать свою госпожу. Наконец их лошади поравнялись и слуга взмолился:

— Пожалуйста, не делайте так больше, мисс Лексия! Хозяин шкуру с меня спустит, если узнает, что вы катаетесь по окрестностям в таком неподобающем виде!

— Не бойся, Хоукинз, я не дам ему спустить с тебя шкуру! Это моя добрая воля, и, если придется, я так ему и скажу.

Столь оптимистичное заявление не успокоило Хоукинза, однако он умолк и потрусил следом за хозяйкой к дому.

— Сегодня Скайларк был великолепен, не правда ли? — произнесла девушка нараспев.

— Не могу знать, мисс! Я никак не мог вас догнать, — хмуро отозвался грум.

Лексия усмехнулась про себя. Она привыкла всегда поступать по-своему, и это ее вполне устраивало, пусть даже кого-то ее поступки и шокировали.

И все же очередные нотации от папеньки ей выслушивать не хотелось, поэтому в дом она намеревалась проникнуть через заднюю дверь и переодеться прежде, чем он ее увидит.

Но надо же было случиться, чтоб именно в этот момент отец выглянул в окно и увидел, как она проезжает по двору.

— Лексия! Немедленно зайди ко мне!

Девушка вздохнула:

— Хорошо, па.

Не дожидаясь помощи, она спрыгнула со своего огромного скакуна, отдала поводья Хоукинзу и вошла в дом через французское окно, ведущее прямоком в комнату, где они с отцом обычно завтракали.

— Моя дочь разъезжает по окрестностям в таком виде! Возмутительно! — негодовал отец, переходя в столовую из комнаты, окна которой как раз выходили на конюшни. — Ступай к себе и немедленно переоденься! Хотя нет, подожди! Нам есть о чем поговорить.

— Господи, я умираю от голода.

Девушка села за стол, налила себе кофе, взяла тост и попыталась успокоить отца:

— Па, я всего лишь прокатилась верхом.

— Не называй меня «па»!

— С чего бы это?

— Это вульгарно. Английские леди говорят «папа».

— Но я американка!

— Чушь! Я — англичанин, твоя мать — мир ее праху — была англичанка. Ты сама родилась в Англии...

— Но когда мне исполнилось три года, мы переехали в Америку, и я там выросла. Я люблю Америку и чувствую себя американкой.

— Что ж, чем скорее ты откажешься от этой блажи, тем скорее сможешь занять свое место в английском высшем обществе, — твердо сказал отец.

— А разве не в этом обществе я была, когда мы жили в Лондоне? — с невинным видом спросила Лексия. — Помнится, мы выезжали в свет чуть ли не ежедневно!

— Но ты так и не была представлена при дворе, а ведь это — вершина моих устремлений!

В глазах Лексии сверкнули искорки смеха.

— Правда? А мне казалось, вершина твоих устремлений — выдать меня замуж за титул. Принц Уэльский подойдет? Ах, совсем забыла, он ведь уже женат. Но ведь у него, кажется, есть сыновья...

— Пожалуйста, Лексия, не шути, когда речь идет о таких серьезных вещах! И почему бы тебе не выйти замуж за самого титулованного холостяка в стране? Не понимаю!

— Хотя бы потому, что я — никто, — весело отозвалась дочь.

— Послушай, что я скажу тебе, девочка. *Никто* — это тот, у кого нет денег, а у тебя они есть. Неужели ты сама еще этого не поняла?

— Я хочу сказать, у нас нет титула, даже самого скромного.

— Твоя матушка была дочерью рыцаря!

— Да, но этим вряд ли впечатлишь какого-нибудь герцога или маркиза. Я — никто, папочка, и меня это вполне устраивает. Более того — я даже этому рада!

Мистер Дрейтон с осуждением взглянул на дочь. По его мнению, это была чистой воды ересь.

— Постарайся не говорить ничего подобного в обществе, — произнес он предостерегающим шепотом.

— Ладно, не буду, — ответила Лексия, но смирения ее хватило ненадолго, — однако думать так мне никто не запретит.

— Выбрось это из головы! Тебе пора научиться вести себя, как подобает английской леди, и привыкать к новой жизни.

— А почему Англия не может привыкнуть ко мне?

Эта идея настолько шокировала мистера Дрейтона, что он не нашелся с ответом.

— Чтобы я больше этого не слышал, — вымолвил он наконец. — У тебя масса достоинств, Лексия, и я не хочу, чтобы они остались незамеченными. Ты была самой красивой в Лондоне, а уж здешним красавицам до тебя очень далеко.

— Но, па! — в притворном ужасе воскликнула девушка. — Ты не должен так говорить, иначе люди подумают, что мы невоспитанные и слишком много о себе воображаем. А мне хочется, чтобы местное общество нас приняло. Мне хочется танцевать на балах у соседей и устраивать свои собственные! И чтобы наши вечеринки были самыми интересными в округе!

— Если все, о чем я слышал, — правда, то так оно и будет, — отвечал отец. — Общество в Беркшире — очень приятное, и я тоже хочу завязать приятельские отношения с соседями. *И в первую очередь с маркизом.*

Немного помолчав, Лексия промолвила:

— Ты упоминал о маркизе, когда мы переезжали, и, насколько я помню, нередко сокрушался о том, что в Лондоне вы так и не познакомились.

Последовала новая пауза — судя по всему, мистер Дрейтон тщательно подбирал слова. Наконец он заговорил:

— Речь идет об очень знатной особе, доченька. Маркиз — один из самых родовитых аристократов Англии.

Лексия насмешливо улыбнулась:

— И ты хочешь, чтобы он в меня влюбился, не так ли?

— У меня на этот счет свои планы.

— Но это же невозможно — заставить людей полюбить друг друга! Или в твои планы входит, чтобы и я влюбилась в него?

— Маркиз молод и, как поговаривают, хорош собой.

— Меня не особо привлекают красавчики, — кокетливо отвечала Лексия. — Они постоянно любят себя лишь собой, а мне хочется, чтобы с обожанием смотрели на меня!

— Благодаря ему ты станешь маркизой, и этого тебе должно быть достаточно.

— Но я хочу выйти замуж по любви! А английские аристократы, насколько я знаю, — а наслушалась я о них предостаточно — любят только самих себя. Поместья и жены у них всегда на втором месте.

— И что в этом странного? — спросил отец. — Мужчина должен быть хозяином в доме. Я же решительно настроен перед смертью увидеть тебя в великолепной тиаре на официальной церемонии открытия парламента.

Лексия вздохнула. Все это она уже слышала. У отца на ее счет были очень честолюбивые планы: разбогатев, он вбил себе в голову, что его дочь выйдет замуж только за аристократа.

И этот особняк отец снял только для того, чтобы она могла лучше узнать нравы английской знати, так сказать, на ее территории.

Лексия, унаследовавшая от отца рассудительность, знала, что он навел справки о нескольких графствах, прежде чем сделал свой выбор. И только в Беркшире нашлось требуемое — холостой маркиз.

— Па, а почему бы тебе самому не обзавестись титулом? — попыталась пошутить она. — Ты мог бы стать герцогом или даже жениться на королеве!

— Королева до сих пор оплакивает супруга, умершего тридцать лет назад. И потом, дорогая, ты прекрасно знаешь, что забочусь я не о себе, а о тебе!

— Ты заботишься обо мне даже больше, чем следовало бы, — упрекнула отца Лексия. — А ведь я, как и ты, хочу прожить свою жизнь по-своему.

Это заявление озадачило мистера Дрейтона.

— Что ты имеешь в виду?

— Все просто: я не хочу, чтобы меня выдавали замуж насильно. Я сама хочу выбрать себе супруга, если уж без замужества никак нельзя обойтись.

— «...если без замужества нельзя обойтись»? Ушам своим не верю! Женщина должна выйти замуж! Это ее удел!

— А может, я желаю для себя другой судьбы. Па, в Америке я общалась с девушками, которым хотелось жить собственной жизнью, а не быть

неким подобием запасного колеса в жизни какого-нибудь мужчины.

— Чем скорее эти бредовые идеи выветрятся из твоей головы, тем лучше! — рассердился мистер Дрейтон. — Куда катится этот мир?.. Хорошо воспитанные молодые женщины — и вдруг заявлять такое?

— Ну, я-то не слишком хорошо воспитана, — лукаво улыбнулась ему Лексия. — Знаешь, па, когда я была по-настоящему счастлива? Когда мы жили на нашем ранчо в Аризоне и меня учили кататься верхом без седла и арканить коров. Йох-ху! Это было здорово!

— И чтобы я не слышал больше этого «йох-ху»! — отрезал отец. — Где графин с виски? Мне нужно выпить!

— Еще слишком рано! Лорд Иглтон говорит, что джентльмены не пьют виски по утрам! — возразила девушка.

— У лорда Иглтона нет дочери, которая кричит «йох-ху!» и разгуливает в мужских штанах, — с чувством заявил мистер Дрейтон.

— Как же тебе не повезло со мной, па! Бедняжка!

— Не называй меня «па»! Неужели я неясно выражаюсь?

— Да, па! То есть нет, па! *Па-па* ... Йох-ху, чувствую себя дурочкой, когда так говорю!

— И переоденься во что-нибудь приличное.
Леди не носят штанов!

— Терпеть не могу женскую одежду, — возразила девушка. — Не представляю себе, как в платье вообще можно двигаться.

— Если будешь ходить в таком виде, тебе ни за что не заполучить мужа!

— И меня это вполне устраивает.

— Лексия! — громыхнул отец.

— Прости, па... папа! Я не хочу тебя расстраивать, но слова сами слетают с языка.

— Неужели твоя милая матушка так ничему тебя и не научила?

— Это почему же? Она научила меня оставаться верной самой себе.

— А разве быть верной себе означает скакать верхом и арканить коров на ранчо в Аризоне?

— Это еще не самое худшее! Мама говорила, что быть верной самой себе — самое главное в жизни, а ей можно верить — она подтвердила свой принцип практикой, и это сработало.

— Твоя мать так говорила?

— Она говорила, что послушалась своего сердца, когда выходила за тебя замуж, и была с тобой очень счастлива.

Мистер Дрейтон не нашелся с ответом. Несмотря на свою некоторую грубость и подчас даже жестокость, он очень любил свою жену.

Годами он лелеял мечту привезти ее назад в Англию богатой дамой и внести в ее жизнь комфорт, какого, по его мнению, она заслуживала.

Но супруга умерла год назад, незадолго до отъезда, и вспоминать о ней ему до сих пор было очень больно.

— Что ж, она была права, — сказал он. — Когда мы познакомились, она была для меня недосыгаема — как луна и звезды. Дочь рыцаря, которую семья планировала выдать за кого-то более родовитого — баронета или даже виконта. Когда мы встретились, у меня уже было свое небольшое, но процветающее дело. Но для ее родных я был всего лишь торговцем. Поэтому, когда мы вместе сбежали и поженились, семья от нее отвернулась, однако нам до этого не было дела. Мы были счастливы. Но мне этого показалось недостаточно. Я хотел стать успешным, богатым. И тогда мы перебрались в Америку — я был абсолютно уверен, что там я смогу сделать большие деньги и никто не станет интересоваться моей родословной. Что ж, я добился своего, и теперь они вынуждены со мной считаться. И я хочу, чтобы ты вышла замуж за человека из той среды, в которой выросла твоя мать. Это твое законное право, и я убежден, именно этого она и хотела!

Лексия предпочла промолчать, поскольку уверенности отца не разделяла. Ее мать хотела бы, чтобы дочь вышла замуж по любви.

Покончив с завтраком, она убежала наверх, чтобы надеть на себя то, что папенька называл *«подобающим для леди одеянием»*, а она сама — *«тюремными оковами»*.

Лексия прекрасно понимала, что, не соглашаясь с отцом, ступает на зыбкую почву. Мистер Дрейтон всегда и все решал единовластно, и как бы дочь его ни любила, она знала: переубедить его не получится.

Вопрос о замужестве повлечет еще немало боев, и Лексия рассчитывала их выиграть.

Она была дочкой богача, поэтому с недоверием воспринимала мужские знаки внимания. К тому же у нее были собственные представления о том, какого именно спутника она себе желает.

«Я не выйду за первого встречного только затем, чтобы порадовать папочку, — заверила она себя. — Даже если это будет какой-нибудь король! Я хочу мужа, который будет любить меня, а не деньги моего отца!»

Девушка подбежала к туалетному столику и достала из верхнего ящичка крошечную фотографию, запечатлевшую нежные черты

молодой женщины, удивительно похожей на саму Лексию.

Это была фотография ее матери.

— Ты поняла бы меня, мамочка, правда же? — прошептала Лексия. — И если бы ты до сих пор была с нами, ты бы и его убедила понять...

Со вздохом она прижала фотографию к груди и проговорила едва слышно:

— Что же мне теперь делать?

Глава 2

Письмо пришло с утренней почтой. Получив его, мистер Дрейтон широко улыбнулся.

— От лорда Уимбортона! — воскликнул он. — Наконец-то!

— Ты хочешь сказать, он в конце концов заметил нас на краешке своей блистательной орбиты? — иронично отозвалась Лексия. — Как мило с его стороны!

— Мне не нравится твой тон, Лексия, — возмутился отец.

— Меня злит, что ты так радуешься, получив от него какую-то писульку! Кто он вообще такой? Чем он лучше тебя?

— Он — *маркиз*, — ответил мистер Дрейтон таким тоном, словно одно это слово объясняло все.

— Допустим. Но чем он лучше тебя?